

ГОЛОСЪ СВОБОДНОЙ ЦЕРКВИ

Органъ православнаго клира и мірянъ.

№ 180. Четвергъ 21 дек. (3 янв.) 1917 г.	ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.	№ 180. Четвергъ 21 дек. (3 янв.) 1917 г.
<p>ВЪ КОНТОРЪ РЕДАКЦІИ</p> <p>привимаются объявленія для напечатанія въ газетѣ по цѣнѣ на 1 стр. по 20 к. на 4 10 коп., среди текста 30 коп. за строку. печатаются многоразные объявленія—по соглашенію.</p>	<p>Условія подписки: на 5 мѣс.—р. 50 к. на 3 мѣс.—4 р. на 1 мѣс.—1 р. 75 к.</p> <p>Розничная продажа №№ по 10 копеекъ.</p> <p>Подписка принимается: Семинарская, д. Алексѣева, у свѣц. І. Я. Чернобаева и уг Астраханской и Соборной д. Земповой, въ Книж. складѣ Бр. Св. Василія Телеф. 312.</p>	<p>Къ свѣдѣнію авторовъ: Присылаемая рукопись должна быть написана на одной сторонѣ листа, и съ помѣткой „платная“ или „бесплатная“. Не принятыя къ напечатанію рукописи не возвращаются. Редакція проситъ писать статьи кратко и кратко.</p>
Адресъ Редакціи и Конторы: Рязань, зданіе Епархіальной типографіи у лѣтняго Собора. Телефонъ № 279.		Адресъ редактора Ник. Ив. Остроумова Селезневская, № 178, Тел. 139.

Волостные и сельскіе комитеты! Дайте алчущимъ хлѣба. Не зарывайте хлѣбъ какъ таланты въ землю и не подавайте камня вмѣсто хлѣба. Будьте христіанами и гражданами, въ тяжелое время! Не губите Россію и армію!

Съ 1-го января 1918 года въ Петроградѣ начнетъ выходить еженедѣльный духовно-публицистическій и общественно-литературный журналъ

„Соборный Разумъ“

Органъ Христіанскаго жизнестроительства въ свободѣ.

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ЖУРНАЛА: серьезное, чуждое партійной односторонности, широкое и глубокое религиозно-культурное освѣщеніе въ хъ вопросахъ, связанныхъ со строительствомъ церковной и общественной жизни по высокимъ христіанскимъ идеаламъ правды, истинны, свободы, равенства и братства.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ: 1) Духовно публицистическій, имѣющій цѣлью отвѣчать, въ видѣ передовыхъ статей, на всѣ духовно-культурные запросы и тревоги духовенства, общества (интеллигенціи) и народа. 2) Церковно богословскій, въ которомъ, помимо выясненія положительной стороны началъ церковно-богословскаго вѣдѣнія, большое мѣсто будетъ отведено статьямъ апологетическаго характера, преимущественно къ потребностямъ времени. 3) Религиозно социальный, задача котораго—содѣйствовать развитію христіанской общественности во всѣхъ формахъ социально-экономическаго быта и жизни людей. 4) Церковно общественный, въ которомъ будетъ даваться освѣщеніе выдающимся явленіямъ современности съ идейно-религиозной и православно-христіанской точекъ зрѣнія. 5) Церковно историческій, фактами прошлаго имъ ющій указывать прямой и вѣрный путь къ свѣтлому будущему. 6) Общественно литературный, въ которомъ будутъ рисоваться—въ живыхъ образахъ (беллетристика)—проявленія христіанской общественности и найдутъ мѣсто критическое отношеніе къ общественной жизни, кривизнѣ, кривизнѣ в книгѣ, но и цѣльхъ литературныхъ теченій и 7) Законоучительскій, гдѣ будутъ освѣщаться всѣ вопросы религиозно-культурнаго воспитанія и образованія школьнаго и вѣтшкольнаго, въ правильной постановкѣ коего—будущее Россіи.

Для того, чтобы сдѣлать журналъ особенно дѣльнымъ для духовенства и руководителей церк. общ. организацій,—статьи, кромѣ исчерпывающаго отвѣта на всѣ вопросы, будутъ давать и руководство въ выборѣ книгъ по трактующимъ вопросамъ. Съ этой же цѣлью въ каждомъ № будетъ особая библиографическая статья, систематично и съ кратчайшей оцѣнкой указывающая всѣ заслуживающія вниманія книжныя новинки по тому или другому вопросу общественнаго устройства по христіанскимъ идеаламъ.

кромѣ 52 №№ журнала подписчики получаютъ:

12 выпуски,

Религія и Франц. Революція.

соч. маг. богослов.

Прот. М. С. Попова: (Уроки Велик. Франц. Революц. для нашего времени)

Подписная цѣна: съ дост. и перес по всей Россіи 15 рублей въ годъ; на 1/2 года 8 рублей.

А ДРЕСЪ: Петроградъ, Гороховая ул., 67, кв. 5. Издательскому Товариществу духовныхъ писателей „Соборный Разумъ“.

О правѣ собственности.

Собственность есть плодъ или личнаго труда и работы каждаго, или же наслѣдство, доставшееся отъ предковъ. Для существующаго, Богомъ установленнаго, порядка въ человѣческихъ обществахъ весьма важно, какъ люди понимаютъ собственность. Вотъ почему охраненіе правильно приобрѣтенной собственности въ чемъ бы она не состояла, въ деньгахъ или въ имуществѣ, всегда составляло въ нихъ предметъ главныхъ заботъ, и не могло быть никакого общественнаго и государственнаго порядка тамъ, гдѣ не было бы охраны собственности. Посмотримъ, какъ учить о правѣ соб-

ственности вѣра, и какъ—невѣрие.

Поставимъ сперва вопросъ: насколько человѣкъ имѣетъ право на обладаніе собственностью? Христіанская вѣра учитъ насъ, что всѣ творенія, всѣ земныя блага, по своему существу и природѣ, принадлежатъ своему Творцу, что Онъ только одинъ есть истинный и полный Обладатель всѣхъ созданій. Но Богъ представилъ человѣку право пользованія этими благами земли, и въ этомъ только смыслъ человѣкъ имѣетъ на нихъ право, слѣдовательно, **человѣкъ**—не полный и небезусловный обладатель земными благами, каковымъ можетъ быть одинъ только Богъ. Человѣку предоставлено только пользоваться ими, да и это

право пользованія ими не есть неограниченное право: онъ долженъ распоряжаться благами земли не такъ, какъ онъ хочетъ, но какъ хочетъ и какъ велѣлъ Богъ. Человѣкъ не въ правѣ употреблять ихъ не для той цѣли, для которой назначилъ ихъ Богъ. Цѣль же эту высказалъ Богъ въ слѣдующихъ словахъ: „вотъ я далъ вамъ всякую траву и всякія деревья, чтобы они служили пищею для васъ“ (1 Моис. 1, 29), чтобы они служили средствомъ для сохраненія жизни и притомъ для всѣхъ людей.

Совсѣмъ иначе учить о правѣ на земныя блага невѣрие. По этому ученію, человѣкъ не только имѣетъ неограниченное право пользоваться ими, какъ своею собственностью, но, такъ какъ оно не признаетъ всеобщаго Блага, то дѣлаетъ человѣка своимъ неограниченнымъ владыкою земныхъ благъ, и рассматриваетъ эти послѣднія, какъ средства къ удовлетворенію его все болѣе и болѣе возрастающихъ страстей. Устраняя Бога, оно дѣлаетъ наслажденія жизнью и чувственныя удовольствія цѣлю существованія человѣка, а земныя блага—средствомъ для достиженія этой цѣли. Слѣдствіемъ же такого ученія бываетъ то, что между богатыми и бѣдными образуется такая пропасть, какой не зналъ еще христіанскій міръ, что съ каждымъ днемъ увеличивается болѣе и болѣе количество бѣдняковъ. Между тѣмъ какъ богатые въ порывахъ крайне возбужденной чувственности безъ мѣры тратятъ свои средства на прихоти и предметы роскоши, бѣдные ихъ собратія терпятъ лишенія и нужды въ самомъ необходимомъ, не имѣя даже подчасъ пищи и одежды! Не вѣра, а невѣрие и безбожіе вызвали и породили это явленіе, Отнимая охоту къ труду и работѣ у бѣдныхъ, это невѣрие погашаетъ духъ любви и милосердія у богатыхъ. Въ этомъ ли счастье для человѣка?

Но какимъ образомъ люди должны примѣнять къ дѣлу свои права пользованія земными благами или права собственности? Вѣра христіанская и исторія учатъ, что, по волѣ Божіей, человѣку право собственности въ отношеніи извѣстной части благъ земли принадлежитъ въ томъ смыслѣ, что онъ можетъ пользоваться только ея плодами. Въ продолженіе многихъ вѣковъ и тысячелѣтій такъ и было. Такъ и

должно было быть. Ибо въ этомъ только случаѣ, т. е. когда каждый имѣетъ свою отдѣльную собственность для своего распоряженія и для пользованія плодами своихъ трудовъ, возможно хорошее и правильное хозяйство и экономія; только тогда господствуетъ порядокъ между различными знаніями и классами людей, тогда только можетъ сохраниться миръ и согласіе между людьми.

Но противъ этого, существовавшаго до сихъ поръ и у всѣхъ христіанскихъ народовъ принятаго, порядка современное невѣрие опять таки дѣлаетъ возраженіе. По его ученію, всякое обладаніе землею должно принадлежать всему въ одинаковой мѣрѣ. Частной отдѣльной собственности не должно быть ни у кого, но плоды этихъ благъ и между всѣми поровну. Это ученіе называется коммунизмомъ. Цѣль этого ученія та, чтобы отменить всякую частную собственность, ввести всеобщее владѣніе землею и хозяйство и равномерный дѣлежъ плодовъ его. Но куда, братіе, ведетъ такое ученіе? Если бы всѣ блага земли были въ общественномъ распоряженіи и общее было обработываніе земли, тогда немислимо было бы хорошее и правильное хозяйство, ибо каждый сталъ бы избѣгать труда и слагать его на другихъ; каждый сталъ бы надѣяться на другого, естественная лѣность и праздность достигли бы тогда высшаго своего развитія, и ослабла бы охота къ труду, такъ какъ личный трудъ никому не приносилъ бы особенной пользы. Равнымъ образомъ не могло бы быть порядка при управленіи и распоряженіяхъ общественнымъ имуществомъ, и вѣчныя происходили бы недоумѣнія и замѣшательства, если бы каждый заботился о всемъ и о всѣхъ. Это всеобщее владѣніе представило бы особенно широкое поле слорамъ и несогласію. Если теперь родные братья сплошь да рядомъ не бывають согласны, когда приходится имъ дѣлить наслѣдство отца, если обитатели, дышашіе воздухомъ одного и того же дома, пьющіе воду изъ одного и того же колодезя и стакана, расходятся между собою и ссорятся, то что стало бы изъ человечества, если бы ему приходилось дѣлить всякое владѣніе, всякую прибыль и добычу? Тогда родъ человѣчскій представилъ бы изъ себя адъ кромѣш-

ный, мѣсть для ссоръ, распрей и ужасныхъ мятежей.

Такимъ образомъ, учение о коммунизмѣ неминуемо привело бы къ величайшему вреду и гибели людей, если бы оно было осуществлено на дѣлѣ. Но вмѣсто этого ложнаго коммунизма вѣра учитъ насъ истинному коммунизму. По этому учению блага земли должны давать средства къ жизни всѣмъ людямъ. Стало быть, плоды каждой частной собственности не должны быть исключительно достояніемъ отдѣльныхъ только лицъ, — не должны они доставлять излишекъ однимъ и лишать существенно необходимаго для жизни другихъ. Отсюда христіанская вѣра вмѣняетъ въ обязанность богатымъ смотрѣть на свое имущество какъ на достояніе всѣхъ, дабы они готовы были дѣлиться имъ съ другими своими собратіями, въ случаѣ ихъ нужды. Почему апостолъ говоритъ: „имущіе этого міра да даютъ неимущимъ... Блаженнѣесть давать, нежели принимать“ (Дѣян. 20, 35, 1 Тимоев. 6, 17 и 18). Если теперь истинный христіанинъ исполняетъ эту обязанность, какое чудное положеніе занимаетъ онъ! Черезъ это онъ участвуетъ въ дѣлахъ божественнаго промысла. Этимъ онъ вноситъ въ жизнь ту любовь, съ которою заботится о всѣхъ Богъ, и, удѣляя своимъ собратіямъ часть своего достоянія по той самой любви, по которой Богъ назначилъ его для всѣхъ людей, онъ пріобрѣтаетъ милость и благоволеніе Бога, тогда какъ невѣріе пресѣкаетъ въ чловѣкѣ источникъ всякой любви къ ближнимъ и дѣлаетъ его существомъ своекорыстнымъ, полнымъ безграничнаго самолюбія и эгоизма.

И такъ, христіанинъ, если ты на свою собственность будешь смотрѣть, какъ на имніе Божіе, и распорядиться имъ, не забывая, что за каждый день Богъ потребуетъ отъ тебя отчета, то ты не будешь всѣми силами и средствами стремиться къ неправильной наживѣ и будешь отвращаться отъ всего, что нѣтъ домоправитель Бога, ты не будешь забывать вѣрныхъ чадъ Его, но своимъ милосердіемъ къ нимъ сдѣлаешь другомъ своимъ Отца ихъ. Такимъ образомъ жизнь, сообразная съ ученіемъ христіанской вѣры въ отношеніи собственности и распоряженія временными благами земли, принесетъ тебѣ временное и вѣчное счастье и блаженство по слову Го-

спода: „пріобрѣтайте себѣ друзей неправеднымъ богатствомъ, дабы они, когда вы обидѣте, приняли васъ въ вѣчные крѣвы“ (Лук. 16, 9). (Изъ книги М. В. Гдѣ истинное счастье: въ вѣрѣ или невѣрїи)?

Аще другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдитесь, да не другъ отъ друга истреблены будете (Пл. 5, 15).

Къ свободѣ мы призваны, братья, отъ Бога; Но въ чемъ проявляемъ свободу мы эту? Вся жизнь наша въ доблестяхъ стала убога, Поворъ нашъ извѣстенъ всему уже свѣту. Мы начали ближнихъ своихъ угрызаетъ, Снѣдая другъ друга, какъ дикіе звѣри. Увы! вѣдь не будетъ и Богъ отверзаетъ Въ бѣдахъ нашихъ намъ милосердія двери. Вступили на путь мы самоистребленія, — Съ оружіемъ братья воюемъ ужъ на брата, Доводимъ отечество до раздробленія Въ погибель ведемъ его мы безъ возврата. Опомнись, Россійскій народъ православный! Четвертый ужъ годъ, какъ твой врагъ — предъ лицомъ, Готовитъ Россіи конецъ, онъ безславнѣе. Считаю тебя ужъ живымъ мертвецомъ! Въ столицахъ, — для насъ алтаряхъ сихъ священныхъ, — Поправши и братство, и къ ближнимъ любовь, Свирѣпствуютъ кучки людей развращенныхъ, Потоками льется тамъ братская кровь. Припомни хоть славы былой времена, Могучіе подвиги предковъ твоихъ, — Расправь, какъ Атлантъ, ты свои рамена, Явись адемантомъ средъ бѣдъ твоихъ. Припомни не столь отдаленные годы, Когда для Россіи вѣнды всѣ сплетали, Когда всѣ сильнѣйшіе царства, народы, При имени „Русскій народъ“ — трепетали. Трапезой твоей питались народы. За блага старшей ты всѣмъ возвращалъ, Теперь предъ тобой возсталъ невѣдъ. Теперь ты самъ бѣдѣи и самъ обидѣи чаль. Въ нуждѣ твоей старцы и дѣти страдаютъ, Лишенные даже насущнаго хлѣба, Напрасно его отъ тебя ожидаютъ, — Надежда для нихъ лишь на милости неба. „ „ Пречистая Матерь, святые угодники,

Воздвигните къ Богу моленія о насъ: По вѣрѣ вы близки намъ, близки, какъ сродники, — Умильно въ бѣдахъ призываемъ мы васъ.

П. Ларинъ.

Земельный вопросъ и хозяйственное разстройство деревни.

Вопросы земельный и сельско-хозяйственный — это очень сложные и очень большой государственной важности вопросы, разрѣшить которые должно Учредительное Собрание.

Въ настоящее же время надъ этими вопросами работаютъ многіе общественные дѣятели и различныя политическія партіи. Последнія рѣшаютъ указанные вопросы примѣнительно къ своимъ выработаннымъ теоріямъ или проектамъ, — часто не считаясь ни съ подлиннымъ настроеніемъ деревни, крестьянства, ни съ отношеніемъ различныхъ классовъ, населенія между собою, ни, наконецъ, съ государственными нуждами и цѣлями.

Наблюдающаяся теперь всюду въ Россіи *хозяйственная разруха* деревни, аграрныя движенія, погромы, губящія нашу Русь, ея народныя достоянія и богатства — несомнѣнно результатъ *темноты народной*, невежества народнаго.

Крестьянинъ стоитъ теперь на распутьи, жаветь какъ бы въ туманѣ, руководясь по большей части природнымъ инстинктомъ само-сохраненія, не возвышаясь до общегосударственныхъ нуждъ и интересовъ. Его надо просвѣтить.

И мы, желая оказать носильную помощь какъ нашему крестьянству, такъ пастырямъ, учителямъ народнымъ и общественнымъ дѣятелямъ рѣшили оказать нѣсколько словъ и по вопросу земельному и сельско-хозяйственному.

Итакъ, вѣдая, что въ настоящее время выстѣпала ваша революція, являются „земля и воля“. Стремленіе къ свободѣ, къ свободному устройству жизни семейной, личной, общественной и государственной, желаніе сбросить все связывавшія при старомъ самодержавномъ строѣ живыя народныя путы — вотъ къ чему сводилось и сводится основное по-

ложеніе настоящаго освободительнаго движенія. Другимъ, не менѣе важнымъ въ сознаніи народа требованіемъ является требованіе „земли“ для трудового, крестьянскаго сословія. И это требованіе, или этотъ „земельный вопросъ“, какъ извѣстно, вызванъ тѣмъ фактомъ, что значительная часть земли принадлежит не тѣмъ, кто ее обрабатываетъ, и пороженъ стремленіемъ обрабатывающихъ захватить въ свои руки землю, въ которой они нуждаются.

Такимъ образомъ революція у насъ совершается подъ знаменемъ „земля и воля“.

Что касается „воли“, то всѣмъ, конечно, понятно, насколько теперь народъ получилъ возможность жить свободно, устроиться такъ, какъ онъ находитъ для себя нужнымъ и полезнымъ, не будучи стѣсненъ законами и порядками прежлаго времени, пружина гнета и режима. Правда, народъ въ массѣ еще плохо усвоилъ значеніе и смыслъ завоеванныхъ свободъ, „воли“: у многихъ эти „свободы“ и „воля“ поныне были въ смыслѣ полнаго произвола, или свободы отъ всякихъ законовъ, отъ законныхъ требованій и установленій. Отсюда, какъ неизбѣжное слѣдствіе, заимчается глубокое разстройство народной жизни, и въ частности хозяйственная разруха деревни. А многіе виды ненормальности въ отношеніяхъ людей между собою, различнаго рода борьбу классовъ, сословія, насилія однихъ надъ другими, напр., крестьянъ надъ помещиками и частно-владельцами земли, лугами, лѣсками и др. угодьями, начинаютъ уже тяготиться излишками свободъ: — „свобода-де однимъ, а рабство, насиліе для другихъ“, — часто говорятъ теперь, видя, какъ напр. крестьяне, ранѣе мирно арендовавшіе землю, въ настоящее время насильно захватываютъ ее себѣ часто безъ всякаго выкупа.

Намъ осенью пришлось проѣхать въ предѣлахъ нѣсколькихъ губерній средней полосы Россіи, встрѣчаться и говорить съ представителями различныхъ народныхъ, выслушивать его сужденія, наблюдать его жизнь, его настроеніе, — и мы можемъ сказать, что вообще у всѣхъ желаніе, чтобы возможно скорѣе совершалось „обновленіе и благоустроеніе“ русской народной жизни на твердыхъ, точныхъ законныхъ основахъ, чтобы, съ дарованіемъ свободы, народъ культурно развивался, приложилъ всѣ

За литургійное поминовеніе усопшихъ.

(Изъ преній на Соборномъ засѣданіи по вопросу о составѣ богослуженія).

Рѣчь члена В. Ц. Собора. Н. И. Троицкаго, (Окончаніе См. № 179).

И какъ можно дѣлать вѣрующіхъ во Христа на „своихъ“ и чужихъ“, особенно во храмѣ, за литургіей — и даже при поминовеніи почившихъ? Такое раздѣленіе было бы существенно чуждо самой сущности христіанства. Не менѣе оно было бы чуждо духу и существенной идее самой молитвы Господней: „Отче нашъ“. — При уясненіи идеи молитвы Господней въ сознаніи вѣрующаго необходимо должно строго принять во вниманіе, что молитва „Отче нашъ“ произносится на литургіи *послѣ* совершенія таинства Евхаристіи и *предъ* причащеніемъ вѣрующаго. Этимъ, по заповѣди Господа, и напоминаетъ, что чрезъ причащеніе Его пречистаго Тѣла и Крови мы всѣ дѣлаемся братьями съ Нимъ, именно — по единой крови, Имъ за насъ пролитой; посему мы съ Нимъ и между собой состоимъ въ единомъ *кровномъ* родствѣ... Въ сей же молитвѣ мы просямъ и хлѣба *насущнаго* но „*насущнаго*“

развѣ только для земнаго существованія? о, нѣтъ! Тѣло Христа, по Его ученію; не то, что была манна; она посыпалась съ неба, но не была источникомъ вѣчной жизни; а Тѣло Христово, это — истинно *насущный* хлѣбъ, для существованія во *вѣки*, — какой предложить именно на трапезѣ Господней и преподается съ нею предстоящимъ въ пріобщеніи Таинства Евхаристіи. И слѣдовательно, если мы въ храмѣ стоимъ трапезѣ Господней и причащаемся Тѣла и Крови Христа то, очевидно, мы со Христомъ и между собой — *едино тѣло и единая кровь*, а слѣдовательно, и братья, и не въ сей жизни только, а и по смерти, въ жизни вѣчной. пребудемъ тѣми же *единокровными* братьями. И даже унаслѣдуемъ и самую жизнь вѣчную и блаженную только потому, что мы состоимъ *братьями* со Христомъ въ *единой* съ Нимъ Его крови. — Послѣ сего и при такомъ высокомъ сознаніи какъ же можно, стоя во храмѣ, за литургіей, при воспоминаніи „безсмертной трапезы на Горнемъ мѣстѣ“, думать, что между нами есть „свои“ и не свои — „чуждые“? Съ признаніемъ вѣчнаго *кровнаго* родства братій нашихъ съ нами во Христѣ, какъ можно дѣлать насъ на своихъ и чуждыхъ и не поминать, когда произносятся ихъ имена священно — слу-

жителами предъ вратами св. Алтаря, какъ предъ вратами неба, — предъ трапезой Христовой, какъ предъ престоломъ славы въ царствіи Отца Небеснаго? — Если мы соединились со Христомъ и между собой въ смерти; Его, такъ, что остаемся братьями и по смерти; то что же насъ можетъ разлучить съ Нимъ и всѣми братьями нашими послѣ ихъ или нашей смерти? Что можетъ побудить или принудить насъ не поминать именъ ихъ, не повторить ихъ мысленно, когда священно — служители произносятъ оныя устно и во всеуслышаніе, и тѣмъ напоминаютъ великіе Господа: „имѣй уши слышати, да слышишь“, — да вземлетъ и помышлетъ, и поминаетъ!.. — Не *можетъ* быть мѣста забвенію братій нашихъ, вѣчно — единокровныхъ намъ во Христѣ, особенно въ составѣ литургіи, — тамъ, гдѣ все, съ начала до конца, направлено къ раскрытію и видренію въ сознаніи молящихся идеи о единомъ и вѣчномъ нашемъ братствѣ во Христѣ. —

И не напрасно молитвенное единеніе живыхъ съ умершими, чрезъ нарочитое, поименное поминовеніе ихъ, особенно любить нашъ православный русскій народъ: въ этомъ, очевидно, сказывается его задушевная набожность и отличительная черта его православія. Здѣсь, безъ,

посредства отвлеченной мысли, онъ слѣдуетъ впечатленію своего сердца: *онъ сердцемъ вступаетъ въ правду, и устами исповѣдуетъ во спасеніе* (Римл. 10. ст. 10) —

Особенно сказывается эта любовь народа къ поминовенію усопшихъ въ настоящее время: идутъ люди набожные помолиться въ храмахъ — и за воиновъ на брани сущихъ, и въ полонѣхъ заведенныхъ, но особенно, за убиенныхъ на ратномъ полѣ, и получаютъ здѣсь наибольшее утѣшеніе въ такой молитвѣ за своихъ умершихъ, поминаемыхъ здѣсь всѣми предстоящими, какъ своихъ родныхъ братьевъ, поминаемыхъ не священно — служителями только, въ ихъ интимномъ моленіи, а всѣми предстоящими во храмѣ — въ нарочитомъ и открытомъ моленіи съ произнесеніемъ опредѣленныхъ именъ, иногда и мало вѣдомыхъ, а въ приходскихъ храмахъ нерѣдко хорошо всѣмъ извѣстныхъ лицъ. — Что другое можетъ замѣнить такое утѣшеніе для такихъ скорбящихъ?

Такое поименное общеніе живыхъ съ умершими, назидательное само по себѣ, назидательно и потому, что приводитъ самихъ поминающихъ къ глубокому размышленію о концѣ человеческой жизни и внушаетъ молящимся завѣтъ Премудраго: *поминай послѣднѣе*

свои силы къ провѣщенію, къ развитію своей промышленности, хозяйства и пр. Не только интеллигенція, но и болѣе благоразумные изъ крестьянъ горячо негодуютъ на такіе печальные факты, какъ, напр., закрытіе ряда школъ, главнымъ образомъ, низшихъ сельско-хозяйственныхъ, пользовавшихся субсидіями отъ помѣщиковъ, удѣльнаго вѣдомства и пр. Ложно понятой свободой не обольщаются теперь и сами крестьяне. Нѣкоторые, болѣе благоразумные изъ нихъ, стали критически относиться и къ социалистическимъ теоріямъ и проктамъ, къ политическимъ партіямъ, ведущимъ борьбу изъ за земли.

Развитіе революціи перебросилось теперь на провинцію и боевымъ лозунгомъ ея въ переживаемый моментъ является требованіе „земли“. — причѣмъ стараются уничтожить право частной собственности на землю, „соціализовать“ землю, сдѣлать ее всю общенароднымъ достояніемъ. Это стремленіе находить, однако, отпоръ у самихъ крестьянъ, понявшихъ, что „соціализация“ грозитъ собственности на землю.

Характерный въ данномъ случаѣ намъ пришлось выслушать разговоръ двухъ крестьянъ, изъ которыхъ одинъ имѣетъ, кромѣ нацѣльной земли, еще *купчую* въ количествѣ 35 десятинъ.

Оба крестьянина: собственникъ, землевладелецъ и не имѣющій своей купчей земля мирно бесѣдовали на разные злободневныя темы: о войнѣ, о нѣмцахъ, о дороговизнѣ, о дарованныхъ свободахъ, объ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, о ихъ земляхъ, богатствахъ и пр. Перешли, наконецъ, и къ своей крестьянской жизни.

— Ну, Егоръ Федоричъ,—обращается къ крестьянину землевладельцу его односельчанинъ—Иванъ Власычъ,—намъ теперь будетъ прирѣзано земли вдвое, заживемъ теперь мы хорошо, будетъ намъ голодать, надо-ль это малоземелье. Ты слышалъ, какъ цѣвѣжій чело-вѣкъ разказывалъ: возьмутъ всѣ земли у помѣщиковъ, поповъ, церквей, и дадутъ намъ,—зѣбѣя будетъ порозну...

— Какъ порозну? удивленно спрашиваетъ Егоръ Федоричъ.

— Такъ и порозну. Теперь вѣдь земля будетъ *общая*,—всего народа, а собственности ни у кого не должно быть.

— Какъ такъ? говоритъ Егоръ Федоричъ.

— Очень просто,—отвѣчаетъ Иванъ Власычъ.

Вотъ, примѣрно, у меня въ полѣ

польосминникъ или осьминникъ или, допустимъ, десятина, а у тебя 35 десятинъ сверхъ надѣльной.

У тебя возьмутъ столько, сколько нужно мнѣ и другимъ, раздѣлятъ намъ, чтобы у всѣхъ было одинаково...

— Этого еще не доставало... Нѣтъ, Власычъ, свою собственность я не уступлю; я покупалъ землю у графа Б—го для себя, а не для тебя, я ее ухаживалъ, навозилъ, а потомъ вдругъ огдамъ. Никакими силами не возьмете. Егоръ Федоричъ, приотомъ, показывая въ воздухѣ кулакъ, сказалъ:

— Вотъ вамъ что, а не земля!...

Этотъ разговоръ и эта сцена невольно вызвали въ нашей памяти слова Кіевского профессора В. А. Косинскаго, который въ своей рѣчи на Съѣздѣ партіи к. д., касаясь аграрнаго вопроса и отиѣчая неудачную и вредную для деревенскаго хозяйства попытку В. М. Чернова социализировать землю, сказалъ:

— В. М. Черновъ намѣренъ проводить социализацию земли. Между тѣмъ крестьяне воспитаны на чувствѣ собственности...

Что дѣйствительно нашъ крестьянинъ въ возрѣніяхъ на земельный вопросъ не есть прирожденный социалистъ, какому его стараются рисовать представители социалистическихъ партій, а, напротивъ, является скорѣе яркимъ собственникомъ, мы уже раскрыли подробно въ ранѣе напечатанной статьѣ „Собственникъ или“ социалистъ „нашъ крестьянинъ въ возрѣніяхъ на земельный вопросъ“.

Мы въ этой статьѣ предостерегали, что нельзя обольщаться земельной политикой Чернова. А, выше упомянутой, профессоръ Косинскій въ рѣчи, посвященной экономическому положенію, коснулся главнымъ образомъ аграрнаго вопроса и далъ яркую картину хозяйственнаго разстройства деревни и той еще болѣешей рахуки въ деревнѣ, которой грозятъ эксперименты (опыты) Чернова социализировать землю. Ораторъ останавливался вниманіемъ на двухъ характерныхъ явленіяхъ въ крестьянской жизни—это неслыханный теперь ростъ крестьянскихъ вкладовъ въ сберегательныя кассы, съ одной стороны, и захваты чужихъ земель или аграрныя волненія, съ другой.

Что означаетъ неслыханный ростъ крестьянскихъ вкладовъ? Свидѣтельствуетъ-ли онъ дѣйствительно о бла-

госостояніи деревни?

На этотъ вопросъ профессоръ отвѣчаетъ отрицательно:

— Нисколько.

Напротивъ онъ свидѣтельствуетъ, по мнѣнію профессора В. А. Косинскаго, объ упадѣ деревенскаго хозяйства.

Вклады крестьянъ въ сберегательныя кассы, это не сбереженія, а капиталъ, который не находится въ крестьянскомъ хозяйствѣ приложенія, а часто вовсе является результатомъ ликвидаціи крестьянскаго хозяйства въ виду невозможности его вести и въ виду бѣженства передъ лицомъ неурядицъ. Вотъ почему ростъ крестьянскихъ взносов свидѣтельствуетъ о томъ, что хозяйственная жизнь деревни пришла въ разстройство и что у насъ не будетъ продуктовъ на рынкѣ.

Еще большимъ усиленіемъ разрухи хозяйства въ деревнѣ, по заявленію профессора, грозитъ проблема социализации. Въ настоящее время примѣнительно къ жизни крестьянства эта проблема уже имѣетъ у насъ не только теоретическое значеніе.

Сказавши о создаваемыхъ проектахъ социализации земли, проф. Косинскій не вѣритъ въ ихъ удачу, считаетъ ихъ ошибочными, могущими вызвать небывалыя потрясенія и лишить страну послѣднихъ продуктовъ. — Она (социализация) ослабитъ интенсивность труда въ деревнѣ и отобьетъ у крестьянъ охоту работать.

„Помните,—господа,—воскликаетъ профессоръ что наше крестьянство—не пластическая глина, изъ которой можно лепить все, что угодно. Съ этимъ нельзя такъ играть, нельзя допускать такихъ экспериментовъ, нельзя въ настоящее время вносить смуту въ деревню. Она встанетъ и все смететъ на своемъ пути“..... „Да и какъ можно социализировать землю, отстаивая права частной собственности на капиталъ? („Рус. Вѣд.“ № 171—отъ 28 июля 1917 г.) То, о чемъ предупреждалъ проф. Косинскій, даетъ себя знать особенно въ послѣднее время.—„Нараставшее въ послѣдніе мѣсяцы аграрное движеніе,—пишетъ „Русское Слово“,—нынѣ грозитъ принять бурныя формы и залить собою цѣлыя губерніи“.

„Правотворчество“ снизу, о которомъ такъ мечтаетъ В. М. Черновъ,—говоритъ та же газета,—начинаетъ принимать явно анархическій характеръ. Это и немудрено. Вѣдь, въ теченіе 6 ти мѣсяцевъ это правотворчество насаждалось въ деревнѣ при

поощреніи изъ центра. Эти продовольственные, земельные и всякіе иные комитеты безобразно день за днемъ расшатавали порядокъ, вносили своими часто неумѣлыми, часто явно незаконными дѣйствіями смуту въ сознание крестьянства. Прикрываясь необходимостью „охраны хозяйства“, они произвели,—въ сущности, разгромъ этихъ хозяйствъ и вызвали тѣ силы, съ которыми справиться едва ли могутъ“.

(См. „Рус. Сл.“ № 212—отъ 17 сент. 1917 г.)

Н. Остроумовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Допустимо-ли превращеніе России въ берелигіозное государство? *)

Кто-то удачно сказалъ, что „атеизмъ это тонкій слой льда, по которому одинъ чело-вѣкъ, пожалуй, еще иногда можетъ пройти кое-какъ, а цѣлый народъ—никогда“. Дѣйствительно, отрицательное отношеніе къ религіи не такъ явно отражается на счастіи и жизни отдѣльныхъ лицъ (среди атеистовъ попадаются иногда какъ будто хорошіе и счастливые люди), какъ на благосостояніи общества. Обществу не можетъ сходить благополучно „нечестіе“, превращеніе къ религіи. Хотя по христіанскому возрѣнію, „благочестіе на все полезно“ и въ будущей, и въ земной жизни (1 Тмо. IV, 8, ср. Мтѣ. VI, 33), однако такая связь между благочестіемъ и ея наградою въ земной жизни скорѣе наблюдается въ жизни общественной, чѣмъ въ личной. Въ то время, какъ благоденствіе народовъ явно обусловлено ихъ религіозно-правственнымъ состояніемъ въ жизни личной наблюдается обратное явленіе: добродѣтель не сопровождается обязательнымъ счастіемъ, а нечестіе—страданіемъ, но чаще всего тутъ наблюдается обратное отношеніе: дурные люди благоденствуютъ, а хорошіе страдаютъ. Фактами подтверждается, что иначе бываетъ съ обществами, что для дурного общества невозможно не только благоденствіе, но и самое существованіе. Классическій примѣръ этого и наглядное доказательство истины о необходимости религіи для государства даетъ Франція. Осуществленіемъ атеистическаго деала безрелигія ознаменована Франція приведена къ духовному

*) „Ц. Общ. М.“ 1917 г.

твоя, и во оны не сохраниши (Ис. Сир. 7, ст. 39). И дѣйствительно, когда мы слышимъ возглашаемаго священнослужителемъ имена новопреставленныхъ—одного, кто былъ въ городѣ богачемъ,—другого, кто былъ носителемъ большой власти,—иного, кто былъ замѣчательнымъ общественнымъ дѣвателемъ и награжденъ высокими знаками отличія,—иного, кто такъ далеко и громко славился своей ученостью, когда слышимъ имена такихъ лицъ, то не задумываемся ли мы, и о себѣ если вообще со вниманіемъ здѣсь слушаемъ все, что содержится въ молитвѣ, и если вообще покаянно размышляемъ о своей жизни? не приходитъ ли намъ на мысль конецъ и нашего житія, не говоритъ ли намъ наше сознание: вотъ, все это имена намъ извѣстныхъ почтенныхъ лицъ, но гдѣ же эти лица? гдѣ ихъ богатство, власть, санъ, слава,—гдѣ? Все прахъ, все суета! что все мятется?.. А этотъ потокъ именъ новопреставленныхъ отроковъ и младенцевъ, протекающій изъ устъ священнослужителя и тихо журчащій предъ нашимъ слухомъ, равнѣ онъ не напоминаетъ намъ о скоротечности дней нашей суетной жизни, что такъ ясно наглядно выражено поэтическимъ словомъ Псалмопѣвца: *человѣкъ, яко трава днѣ его, яко цвѣтъ селѣный тако оцвѣ-*

теть... Утро яко трава мимолететъ, утро процвѣтетъ и предѣтъ: на вечеръ отпадетъ ожестьетъ и исчезнетъ?.. Псал. 102, 15—16, —89, 6). И предъ сознаніемъ нашимъ снова возникаетъ покаянная мысль: что все мятется?..

Такой рядъ мыслей и отвѣчающихъ имъ чувствованій возбуждаетъ нарочитое поминованіе всѣхъ нашихъ усопшихъ. И въ этомъ—незамѣнимое отъ него назиданіе намъ и—утѣшеніе. И недаромъ, не только нашъ православный народъ любитъ такую обрядность, но даже и представители иныхъ исповѣданій, даже иновѣрцы—магометане и евреи относятся съ уваженіемъ къ нашимъ церковнымъ обрядамъ, такимъ, какъ молебныя нѣкоторымъ святымъ, брачное вѣнчаніе, но особенно—погребеніе и поминованіе усопшихъ. Нравится это—потому, что его содержаніе глубоко волнуетъ душу и вызываетъ въ невысокія и сильныя чувства, какъ ни это другое...

Отцы и братія, у меня не было и нѣтъ намѣренія говорить вамъ проповѣдь съ этой кафедры, нѣтъ: какъ сынъ православной церкви, крѣпко ей преданный, какъ звачущій и почитающій лучшія чувства простой, открытой души русскаго народа, съ дѣтства мнѣ близкаго и достолюбезнаго, къ сказанному мною я

присоединяю еще свое искреннее къ вамъ прошеніе—моленіе, какъ освещенному Собору.—Ради заветовъ Господа Спасителя нашего, ради священной для насъ памяти „всѣхъ прежде почившихъ отецъ и братій нашихъ“, чрезъ святую Кровь Христову, единокровныхъ намъ при жизни, какъ равно и по смерти, ради чести самаго народнаго православна русскаго и, наконецъ, ради глубокаго назиданія всѣхъ предстоящихъ и молящихся во храмѣ, предъ святой трапезой Господней, которой незримо служатъ чины Ангеловъ и ходатайствуютъ о живыхъ и умершихъ предъ Господомъ, за всѣхъ пролившихъ свою пречистую кровь на Голгоѣ, ради всего этого, отянуть не допускайте и самой мысли о сокращеніи или видоизмѣненіи такъ богомудро составленной православной литургіи, съ ея, повидимому, малой и не важной, а въ дѣйствительности существенно необходимой частью—нарочитымъ поименнымъ поминованіемъ усопшихъ.—Да будутъ незабвенны въ нашемъ всецерковномъ поминованіи имена „прежде почившихъ отецъ и братій нашихъ“, и молитвами осыпъ насъ—да напишутся эти имена осыпъ ихъ на небесахъ, въ горнемъ Иерусалимѣ!

Отцы и братія, забудетъ ли мать отро-

ча свое? забудетъ ли Церковь чадъ Христовыхъ, искушенныхъ Ею Кровью? Рѣшимся ли мы на жестокое дерзновеніе—забыть путь свой къ горнему Иерусалиму чтобы не идти по нему вмѣстѣ съ почившими отцами и братьями нашими,—и чтобы не раздѣлить въ немъ радость вмѣстѣ съ живущими и веселимся тамъ въ обителяхъ Отца Небеснаго? И когда священно—служитель, предстоящій вратамъ олтаря, произносить имена „прежде почившихъ“, призываетъ насъ къ молитвѣ за нихъ, а вмѣстѣ и тѣмъ самымъ напоминаетъ и намъ путь нашъ къ Иерусалиму небесному: то неужели дланъ десницы вашей не поднимется, чтобы осыплетъ насъ крестнымъ знаменіемъ, и уста наши не отвернутся глубокимъ вздохомъ покаяннаго чувства, что бы произнести за себя и за всѣхъ поминаемыхъ „Господи помилуй!?!—О, Нѣтъ! Аще забуду тебѣ, Иерусалиме, забвена буди десница моя... Пришли языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Иерусалима яко въ началъ веселія моего!—если не буду представлять горнаго Иерусалима главнымъ предметомъ моей радости!.. (Псал. 136, ст. 5—6).

и къ физическому разложению и вырожденію. (Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, разумѣется прекращеніе прироста населенія во Франціи). Сами Французы не скрываютъ опасности положенія своей родины и причину его усматриваютъ въ отдѣленіи церкви отъ государства съ вытекающими отсюда ужасными для страны послѣдствіями и съ развитіемъ атеизма и безнравственности прежде всего. „По той мѣрѣ, какъ у насъ гаснетъ религія“, говоритъ французъ „растетъ безнравственность. Литература, театр, улица—все дышетъ развратомъ... Еще не зараженная ядомъ безбожія нація по этой причинѣ боится соприкосновенія съ нами; онѣ говорятъ о необходимости установить санитарный кордонъ вокругъ насъ и трактовать насъ, какъ очагъ заразы“. Спасеніе Франціи—въ возвратѣ къ преданіямъ, которыя давали ей мощь и величіе; въ водахъ крещенія—есть возрожденіе... (Р. П. Ланжэ, Воздержаніе отъ религіи въ настоящее время, 6 изд., (на фр. яз.), Парижъ, 1908 года, стр. 57).

Къ сожалѣнію, печальная иллюстрація истины о невозможности государства безъ нравственной основы въ христіанствѣ дана міру, и притомъ въ огромномъ масштабѣ, Россіей, и сказанное о Франціи, можетъ быть, болѣе относится къ ея прошлому, чѣмъ настоящему.

Война дала, говорятъ, войско Англии, религію—Франціи, а Россіи... отнюдь не трезвость, какъ выжилилось это окончательно въ 1917 г. Война дала Россіи такую революцію, которая безъ побѣды на фронтѣ, недаромъ такъ нежелательной социалетамъ—большевикамъ, поставила бы Россію на гибельный путь Франціи. Къ гражданской свободѣ въ массѣ своей русской народъ оказался и умственно и нравственно неподготовленнымъ. Отрицаніемъ вѣшной государственной власти съ объявленіемъ свободъ и отрицаніемъ внутренняго закона морали, ставящаго ограниченія эгоизму, Россія быстро была поставлена на путь политической и экономической анархіи и гибели. Россія „приведена въ бѣдственное состояніе безпредѣльнымъ расширеніемъ классовыхъ, групповыхъ, національных и личныхъ претензій, направляемыхъ противъ интересовъ всего народа и всего государства“. (Изъ рѣчей въ собраніи петроградскихъ представителей печати 17 мая 1917 г.). Государство распадается въ хаосъ отдѣльныхъ безконечныхъ эгоизмовъ лицъ, классовъ, группъ и національностей и идетъ къ своему разрушенію. Таковы плоды вступленія Россіи на путь социально-демократическаго строя безъ соотвѣтствующей для него нравственной почвы и гражданской зрѣлости.

Объявленіемъ разныхъ свободъ и заманчивыми обещаніями случайно завявшихъ въ свои руки революцію социализмъ разнуздалъ и раздражилъ въ народѣ неподготовленномъ къ свободѣ, звѣря эгоизма, животные инстинкты, безграничную жажду эгоистическаго самоопредѣленія. Центробѣжные силы въ государственномъ организмѣ взяли верхъ надъ центростремительными... Такъ повелъ Россію овладѣвшей ею социализмъ „по пути къ солнцу и свѣту“ и „по пути преклоненія предъ человѣкомъ и его работою“, или по пути атеистическаго гуманизма (Изъ рѣчей одного министра).

Широкими наблюденіями надо всемъ человѣчествомъ на всемъ протяженіи его исторіи приведены къ истинѣ необходимости религіи для государства французскій историкъ, критикъ и философъ Ипполитъ Тэнъ, несмотря на свое невѣріе. Устами въ данномъ случаѣ безпристрастнаго

и столь компетентнаго свидѣтеля истины говорятъ сама жизнь, факты.

На почвѣ христіанскаго міропониманія“, говоритъ Тэнъ „мы родились, на ней выросли и безнаказанно съ нею сойти не можемъ. Всякій разъ, какъ историческая жизнь ее покидала, человѣкъ нравственно падалъ, возвращался къ звѣрскому состоянію. Никакіе споры и раздоры въ христіанствѣ не могли коснуться его существа, и теперь оно, какъ и въ былыя времена, остается великой нравственной силой. Повсюду, на обоихъ материкахъ, отъ Урала до Скалистыхъ горъ, среди русскихъ мужиковъ и американскихъ поселенцевъ христіанство дѣйствуетъ такъ же, какъ дѣйствовало прежде среди галилейскихъ ремесленниковъ, тѣмъ же самымъ способомъ, тѣмъ способомъ, который замѣняетъ любовь къ себѣ любовью къ другимъ. Ни его существо, ни его примѣненіе не измѣнились. Подъ своей оболочкой греческой, католической или протестантской, оно еще остается для четырехъ сотъ милліоновъ человѣческихъ существъ духовнымъ орудіемъ, великой парой крыльевъ, необходимыхъ для того, чтобы поднять человѣка выше его самого, выше его пресмыкающейся жизни и его ограниченныхъ кругозоровъ, чтобы вести его чрезъ терпѣніе, смиреніе и надежду къ успокоенію, чтобы увлечь его дальше до воздержанія, чистоты, доброты, до преданности и самопожертвованія. Всегда и повсюду, втеченіе восемнадцати вѣковъ, какъ скоро эти крылья слабѣютъ или ихъ разбиваютъ, общественная и частная нравственность понижается. Въ Италіи во времена Возрожденія, въ Англии при реставраціи, во Франціи при Конвентѣ и Директоріи—можно было наблюдать превращеніе человѣка въ язычника, какъ въ I вѣкѣ; тотчасъ же онъ оказывался такимъ же, какъ при Августѣ или Тиберіи, т. е. сладострастнымъ и жестокимъ; онъ злоупотреблялъ другими и собою; снова бралъ перевѣсъ звѣрскій или расчетливый эгоизмъ; свирѣпость и чувственность выступали на показъ; общество становилось разбойничьимъ притономъ развратнаго дома. Когда люди давали себѣ эго зрѣнище, можно оцѣнить вкладъ, сдѣланный христіанствомъ въ наше современное общество, сколько оно внесло стыдливости, кротости, чело- вѣчности, насколько оно поддерживаетъ честность, добросовѣтность, справедливость. Ни философскій разумъ, ни художественная и литературная культура, ни даже феодальная военная и рыцарская честь, никакой кодексъ, никакая администрація, никакое правительство не можетъ замѣнить его въ этомъ служеніи. Только оно способно задержать насъ на нашемъ естественномъ склонѣ, затормозить нечувствительное сползаніе, которымъ непрерывно всей своей первоначальной тяжестью наша раса движется назадъ къ своимъ низинамъ; и старое Евангеліе, какова-бы ни была его теперешняя оболочка, остается и теперь лучшимъ пособникомъ общественнаго инстинкта“ (Тэнъ, Современ. Режимъ (на фр. яз.) т. III стр. 146—147).

Религія и при томъ именно христіанская религія какъ видѣли, служить опорой государства и его благоденствія въ христіанскихъ странахъ. Но эгоизмъ не исчерпывается все значеніе христіанства для государства не опредѣляется съ полною точностью отношеніе христіанской религіи къ государству. Христіанская религія имѣетъ и болѣе высокое значеніе для государства съ религіозной христіанской точки зрѣнія. Если бы христіанство было только опорой государства въ смыслѣ необходимаго условия его

существованія и прочности, то враги христіанства могли бы и въ правѣ были-бы называть его орудіемъ, средствомъ государства. Нѣтъ, христіанство не средство государства и не стоитъ въ подчиненномъ отношеніи къ нему, оно выше его: христіанство указываетъ цѣль государству и даетъ ему высшее освященіе и оправданіе.

Не однимъ хлѣбомъ, не одними земными благами живъ человѣкъ, немими оправдывается по христіанскому ученію существованіе человѣка на землѣ, не въ нихъ цѣль и смыслъ жизни и дѣятельности человѣка. Эго относится какъ къ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и къ ихъ совокупности,—къ народамъ и государствамъ, ко всему человѣчеству. „Огъ одной крови Богъ произвелъ родъ человѣчскій для обитанія по всему лицу земли, назначивъ предопредѣленные времена и предѣлы ихъ обитанія, дабы они искали Бога, не ощутивъ ли Его и не найдутъ-ли; хотя Онъ и недалеко отъ каждаго изъ насъ: ибо мы Имъ живемъ, и движемся, и существуемъ“ (Дѣян. Апост. XVII, 26—28). Исканіе Бога было цѣлью жизни людей въ дохристіанскій періодъ исторіи; съ откровеніемъ же и явленіемъ Бога міру во Христѣ Исусѣ цѣлью человѣческой жизни стало жизненное усвоеніе Евангелія для устроенія всей жизни, личной и общественной, на евангельскихъ завѣтахъ для созиданія христіанскаго государства или, что то же, осуществленіе Царства Божія на землѣ. Міръ, это царство зла и грѣха въ его естественномъ состояніи, теперь же, въ земныхъ условіяхъ, долженъ быть превращенъ въ царство правды и добра, въ Царство Божіе по завѣту Христову (Мѣ. VI, 33), насколько то возможно, чтобы служить переходомъ къ высшей формѣ его въ царствіи небесномъ и подходящую удобною средою для воспитанія душъ въ чашѣ царства небеснаго, для спасенія ихъ. Желательно и необходимо Царство Божіе еще здѣсь, на землѣ, ради Царства Божія на небѣ, и Самъ Господь заповѣдалъ намъ молиться о скорѣйшемъ наступленіи Царства Божія и на землѣ во всей возможной полнотѣ и силѣ: Да придетъ Царство Твое,—путемъ осуществленія воли Божіей на землѣ такъ же, какъ на небѣ,—путемъ христіанизации всей жизни, какъ теперь выражаются,—путемъ созданія христіанскаго государства, выражаясь коротко и наглядно. Объ этомъ написана мною особая большая книга („Идея Царства Божія въ ея значеніи для христіанскаго міроозерцанія“); здѣсь же уступимъ мѣсто и дадимъ слово другимъ по вопросу о значеніи христіанской религіи для государства, какъ его основы.

Цѣлью жизни и дѣятельности человѣческой въ христіанскихъ странахъ должно служить христіанское государство. Что же такое христіанское государство? „Мы опредѣляемъ христіанское государство“, говоритъ латекій богословъ епископъ Мартенсенъ, „какъ такое, которое своя, въ глубочайшей основѣ, опредѣляющее идеи и импульсы находятъ въ христіанскомъ воззрѣніи на міръ и жизнь, то есть, воззрѣніи, по которому царство Божіе въ человѣчествѣ составляетъ центръ и цѣль исторіи. Само государство есть лишь средство для развитія и споспѣшенствованія къ царству Бога и человѣчества на землѣ; или—какъ такое государство, которое не знаетъ никакого лучшаго и надежнѣйшаго предположенія для гражданской добродѣтели, какъ коренящееся въ христіанствѣ настроеніе, которое поэтому оно и стараются распространять и поддерживать всеми зависящими отъ него мѣрами“.

Мартенсенъ „Христіанское ученіе

о нравственности“. Переводъ А. П. Лоухина, (Т. П, стр. 533—534, стр. 530—531). Владимиръ Соловьевъ пишетъ: „Нормальное отношеніе между церковью и государствомъ состоитъ въ томъ, что церкви принадлежит безусловный принципиальный авторитетъ, опредѣляющій общее направленіе воли человѣчества и окончательную цѣль историческаго дѣйствія, а государству принадлежит полнота власти для согласенія законныхъ мірскихъ интересовъ съ этой высшей волей и для приспособленія мірскихъ отношеній и дѣлъ, какъ средствъ или орудій этой окончательной цѣли“. „Съ христіанской точки зрѣнія государство есть только часть въ организаціи собирательнаго человѣка,—часть, обусловленная другою высшею частію—церковью, отъ которой оно получаетъ свое освященіе и окончательное назначеніе—служить косвеннымъ образомъ въ своей мірской сферѣ и своими средствами той абсолютной цѣли, которую прямо ставитъ церковь—приготовленію человѣчества и всей земли къ царствію Божію“. „Христіанство, придя въ міръ, чтобы спасти міръ, спасло и высшее проявленіе міра—государство, открывъ ему истинную цѣль и смыслъ его существованія. Разница между христіанскимъ и языческимъ государствомъ состоитъ въ томъ, что это послѣднее думало имѣть цѣль въ себѣ самомъ и потому оказалось безцѣльнымъ и безсмысленнымъ; христіанское же государство призываетъ надъ собою ту высшую цѣль, которая дается религіей и представляется церковью, и въ добровольномъ служеніи этой цѣли, т. е. Царству Божію, христіанское государство находитъ свой высшій смыслъ и назначеніе“ (Влад. Соловьевъ, „Оправданіе добра“, стр. 621, 622, 617, 619; „Духовныя основы жизни“, стр. 142—164).

Христіанство въ странахъ христіанскихъ то же для государства, что душа въ тѣлѣ. Понятно, что изгнаніе христіанской религіи изъ государства, отдѣленіе государства отъ Церкви, всегда будетъ пламенною мечтою и желаніемъ инновѣрцевъ и невѣрующихъ, непризнающихъ христіанства. Эго, именно, ими и для нихъ собственно и выдуманно безрелигіозное государство, какъ космополитизмъ выдуманъ для тѣхъ и тѣми, кто не имѣетъ или не любитъ своего отечества. Для преобладающаго большинства вѣрующихъ христіанъ въ христіанскихъ странахъ, съ государствами, которыя созданы христіанами,—теорія безрелигіознаго государства имѣетъ значеніе развѣ только одного изъ искуснѣйшихъ ходовъ исконнаго трага Божія въ борьбѣ его съ Царствомъ Христовымъ, и осуществленію ея они всячески будутъ противодействовать во имя христіанской совѣсти и здраваго разума какъ, ухищренію діавола.

Проф.-Прот. П. Я. Свѣтловъ.

ХРОНИКА.

Высокопреосвященный Іоаннъ въ Семинарскомъ храмѣ на миссіонерской бесѣдѣ

Вечеромъ въ Воскресенье, 17 декабря, Владыка Іоаннъ посѣтилъ Семинарскій храмъ, гдѣ велась миссіонеромъ о. Миной очередная миссіонерская бесѣда. Послѣ выслушанной объ учрежденіи еще при пресвящ. Димитріи кружка миссіонерскаго рѣчи прот. І. Строева, Владыка выразилъ сочувствіе сему дѣлу—миссіонерскаго просвѣщенія народа, выразилъ значеніе сего учрежденія въ настоящее время Высокопреосвященный прослушалъ внимательно бесѣду.